

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАЦИИ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е. Рубинштейн

В течение ряда столетий Познань и Верхняя Силезия, Восточная и Западная Пруссия являлись объектом немецкой захватнической политики. В конце XVIII века в результате разделов Польши эти области оказались под властью Пруссии. Только после поражения Германии в первой мировой войне и свержения гогенцоллернской монархии часть этих польских земель вошла в состав польского государства. Теперь, после разгрома германо-фашистских армий, после создания демократической Польши, установления её западных границ и проведения широкой аграрной реформы для этих земель, бывших ещё недавно ареной фашистского разбоя, открылась новая страница истории.

Немецкая шовинистическая историография приложила немало усилий для создания мифа о «благодеяниях» и «достижениях культуры», которыми пользовалось в течение полутора столетий польское население в Познани, Западной и Восточной Пруссии и Верхней Силезии под прусским владычеством.

Так, близко стоявший к Гитлеру Раусхнинг, незадолго до установления в Германии фашистской диктатуры, фальсифицируя историю, всячески рекламировал «блага» прусской колонизации польских областей и сетовал на «бедственное положение» этих областей после их «отторжения» от Пруссии и создания польского государства: «Пруссия получила во время разделов обнищавшую, бедную страну. Через сто пятьдесят лет она превратила эту область в цветущую, изобильную часть империи... В то время как немецкая колонизация представляла собой исторически обусловленный и благотворный процесс, дегерманизация, напротив, является результатом насилия и связана с экономической деградацией»¹.

Исторические факты решительно опровергают подобного рода шовинистические легенды немецкой историографии. На деле период прусского господства в этих польских землях представляет наиболее мрачные страницы в их истории. Вся политика правящих классов Германии в отношении этих областей — «восточных марок», как они имели обыкновение их именовать, — была направлена на превращение их в оплот немецкого юнкерства, в оплот реакционного пруссачества. В результате колонизаторской политики прусских властей искусственно задерживалось экономическое развитие польских областей. Быстро развивавшаяся во второй половине XIX в. промышленность на западе и в центре Германии наводняла эти области промышленными изделиями, и всё они, за исключением горнопромышленной Верхней Силезии, оставались аграрными и отсталыми в промышленном отношении. Так, в Познанской области, на основе переписи профессий 1907 г., преобладающая часть населения (63,4%) была занята в сельском хозяйстве (всего на 4,4% меньше, чем во время переписи 1882 г.)². Правящие классы Германии рассматривали польские области как свои полуколонии, как «аграрный придаток», главной задачей которого являлось снабжать западные и цен-

¹ Rauschning «Die Entdeutschung Westpreussens und Polens». Berlin. 1930. S. 394.

² «Schmollers Jahrbücher». 85. Jahrgang. Bd. IV. S. 36.

тральные промышленные области Германии сырьём, хлебом, а также рабочей силой.

Наряду с этим политика германских империалистических правительств в конце XIX — начале XX в. в восточногерманских польских областях преследовала задачи военно-стратегического характера. Выступая под флагом «защиты немецких национальных интересов», германские милитаристы ставили перед собой задачу превратить польские земли в «крепостной вал», в укреплённый пограничный «гласис». Выполнение этой задачи было важным звеном в подготовке и осуществлении агрессивных планов германского империализма в Восточной и Юго-Восточной Европе, его планов порабощения славянских народов.

Политика, проводившаяся германскими правительствами в Познани и Верхней Силезии, в Восточной и Западной Пруссии в эти десятилетия, была более чем когда-либо направлена на искоренение польского народа и на усиленную колонизацию польских земель.

Уже задолго до этого, в 40-х годах прошлого века, Маркс характеризовал прусскую политику колонизации польских областей как «самые грязные действия новейшей истории». Ещё в 1833 г. прусским правительством был издан указ, согласно которому польские имения могли продаваться исключительно немцам. Тогда в восточногерманские области устремились земельные спекулянты из всех германских провинций. В результате этой грабительской колонизаторской политики уже в течение первой половины XIX в. значительная часть польских земель попала в руки прусских аграриев. «Поместья эти, собственность польской нации, были раздарены, уступлены, распроданы и вырученные деньги потекли в прусскую государственную казну»³.

Когда Пруссия стала во главе объединённой железом и кровью германской империи, Бисмарк открыл новый истребительный поход против польского народа. Постоянно жонглируя угрозами о «польской опасности», он не ограничивался политическим и национальным порабощением польского населения, беспощадным подавлением польской культуры и германизацией польской школы, — в середине восьмидесятых годов он перешёл к методу экономической войны против польского землевладения.

К этому времени уже существенно изменилось в пользу прусских аграриев соотношение в распределении крупной земельной собственности: если в 1848 г. польские крупные землевладельцы в Познани владели 948 тыс. га земли, что составляло 61,1% всего крупного землевладения, а прусские аграрии и фиск — всего 38,9% земли (605,5 тыс. га), то к 1886 г. у польских крупных землевладельцев оставалось 640 тыс. га, в то время как прусские крупные аграрии владели уже 1052 тыс. га земли.

Таким образом, несмотря на то что крестьянская собственность в большей части оставалась польской, более половины всех земель в Познани оказалось уже в руках немцев (1374 тыс. га из общего количества 2747 тыс. га)⁴. В целях усиления политики колонизации польских земель, в распоряжение организованной Бисмарком в 1886 г. колонизационной комиссии были переданы крупные фонды для закупки земель в Познани и Западной Пруссии. Отныне политика ограбления польских земель должна была проводиться ещё более открыто и безжалостно.

Своеобразие развития деревни в восточногерманских польских областях заключалось в том, что здесь тесно переплетались национальное порабощение польского народа и тяжёлое социальное угнетение широ-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 381.

⁴ Buzek «Historia polityki narodowosciowej rządu pruskiego wobec polaków». str. 297. Lwow. 1909.

ких слоёв крестьянства и сельскохозяйственных рабочих. В аграрном развитии этих областей в XIX в. происходили два параллельных процесса: с одной стороны, систематическое ограбление польских земель, переходивших при непосредственном содействии прусских властей всё в более крупных масштабах к немецким земельным магнатам; с другой — связанный с прусским путём развития капитализма процесс длительного и мучительного вытеснения с земли широких масс крестьянства и переход его земель в руки крупного юнкерства и грессбауэров.

В своей работе «К истории прусского крестьянства» Энгельс ясно показывает исторические предпосылки накопления огромных земельных фондов в руках прусских крупных аграриев. Он подчёркивает, что прусские аграрии и государственный фиск «присвоили себе в виде майоратных и других дворянских поместий и государственных доменов» подавляющую часть крестьянских земель⁶.

Уже в начале XVIII в. под влиянием прусских особенностей развития капитализма здесь приобретают особенно широкий размах «сгон с земли» и разорение широких масс крестьянства. «Сгоняют» столько крестьян, сколько возможно, смотря по обстоятельствам; сначала ещё оставляют столько крестьян, сколько необходимо для выполнения барщинных работ с упряжкой, а остальных обращают в коттеров (Kottsassen), безземельных (Dreschgartner), малоземельных (Hauslei), подёнщиков (Instleute), и носящих другие подобные названия людей, которые за хижину и небольшое картофельное поле должны из года в год без конца работать в господском поместье, получая нищенскую подённую плату зерном и очень немного деньгами... Таким образом, всё крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же к востоку от Эльбы, составлено из награвленной крестьянской земли».

Аграрные реформы XIX в., на основе которых должны были быть «выкуплены» феодальные повинности, ещё больше усилили это ограбление широких слоёв крестьянства.

Даже по преуменьшенным данным Зеринга, крестьянское землевладение в восточногерманских областях сократилось с 1816 по 1859 г. на 1 205 709 моргенов⁷.

Восточная и Западная Пруссия, Познань, Силезия и Померания в результате происшедшей в течение столетий насильственной германской колонизации на востоке и лишения земли широких масс крестьянства превратились в оплот крупного юнкерско-прусского землевладения. Здесь было сконцентрировано 70% всех крупных поместий Германии размером свыше 100 гектаров.

В Познани в 1895 г. 52,19% используемой земли принадлежало крупным аграриям (свыше 100 га), в Западной Пруссии — 42,66%, в Восточной Пруссии — 39,5%, в Силезии — 33,8%. В ряде округов преобладающая часть земли находилась в руках небольшой кучки крупнейших земельных магнатов. Так, в Бромбергском округе Познанской провинции преобладали имения в 500—750 га, занимавшие, например, в районе Вирзиц две трети земельной площади⁸.

Провинцией классически крупных латифундий являлась и Верхняя Силезия. Здесь, как указывает Энгельс, «система латифундий и связанное с ней принудительное обращение населения в подёнщиков-коттеров получили самое широкое развитие»⁹. Из 980 тыс. га земли 55,75% (546,8 тыс. га) принадлежали в Силезии крупным аграриям, из них де-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Гл. I, стр. 249.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I-я, стр. 243—244.

⁸ См. «Preussische Landtag. Haus der Abgeordneten», XX Legislaturperiode, III, 1907. Drucksachen, S. 3590, Bd. VI.

⁹ Statistisches Handbuch für den preussischen Staat. Bd. III, S. 226.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I-я, стр. 247.

сяти крупнейшим земельным магнатам принадлежало 329 тыс. га, что составляло 33% всей земельной площади.

Характерной особенностью землевладения в восточногерманских польских областях являлся чрезвычайно большой удельный вес неотчуждаемых и неделимых крупных поместий — фидеикомиссов. Так, в округе Опфельн (Верхняя Силезия) в фидеикомиссах было сосредоточено 279,9 тыс. га, в Познанской провинции — 149,6 тыс. га, в Кенигсбергском округе (Восточная Пруссия) — 117,8 тыс. га, в то время как в остальных 28 округах Пруссии на владения фидеикомиссов приходилось в среднем всего по 34,1 тыс. га¹⁰. В округе Опфельн процент земли, находившейся во владении фидеикомиссов, достигал 21,7%, а в шести районах Кенигсбергского округа Восточной Пруссии — свыше 10%.

С особой силой сказывались указанные в своё время Лениным особенности прусского пути развития капитализма¹¹ и прусского реакционного законодательства в XIX в. на судьбах крестьянства в восточногерманских польских областях. Широкие массы крестьян — и в первую очередь польские — страдали от жестокого земельного голода, усугублявшегося под влиянием колонизационной политики прусских властей.

Согласно данным переписи 1907 г., мелкие хозяйства (до 2 га) составляли в Пруссии 62% общего количества всех хозяйств, однако они владели всего 5% земли¹².

В Познани мелкие хозяйства (менее 2 га), насчитывавшие 67,7% общего количества хозяйств, владели лишь ничтожной площадью, составившей 2,8% всей земли¹³. В Западной Пруссии мелкие и карликовые хозяйства владели 2,7% земли¹⁴. В Восточной Пруссии мелким хозяйствам (менее 2 га), составившим 52,3% общего числа владений, принадлежало только 2,2% земли; в Силезии число таких хозяйств достигало 72,1%, но земли у них было менее 5%¹⁵.

Таковы были социально-экономические условия в деревне в восточногерманских польских областях, ставших в конце XIX — начале XX в. плацдармом острой национальной борьбы.

Рост захватнических вождельний германского империализма, его планы «Великой Германии» и «Срединной Европы» и особенно сильно возросшая агрессивность в отношении славянских народов не могли не привести к обострению прусской антипольской политики. Германские империалисты рассматривали польские области на востоке Германии, как плацдарм будущей войны против России, против славянских народов, как плацдарм усиленной борьбы «германства» против польского народа. Особенно крикливыми глашатаями агрессивных планов германского империализма являлись пангерманисты, призывавшие к захвату не только колоний, но и ряда европейских стран, к подчинению славянских народов немецкому «народу господ».

На происходившем осенью 1894 г. съезде «Пангерманского союза» была выдвинута развернутая «программа» усиленной германизации польских областей, включавшая усиление прусской колонизационной политики в деревне и антипольские мероприятия по искоренению польской культуры.

Именно к этому времени относится и создание «Союза восточных

¹⁰ См. Weber P. «Die Polen in Oberschlesien», S. 20. Berlin. 1913.

¹¹ Ленин. Соч. Т. XI, стр. 493.

¹² Statistisches Jahrbuch für den preussischen Staat. 1915, hrsg. vom Königl. Stat. Landesamt, S. 87. Berlin. 1916.

¹³ Ibidem, 1914, S. 120—121. Berlin. 1915.

¹⁴ Hesse A. «Der Grundbesitz in Ostpreussen» (Denkschrift zum Wiederaufbau der Provinz), S. 6. Jena. 1916.

¹⁵ Statistisches Jahrbuch. Berlin. 1915, S. 120—121.

областей»¹⁶, который ставил своей целью осуществление шовинистических планов немецких националистов в восточногерманских польских областях и повёл широкую кампанию за новое обострение политики германизации и колонизации этих областей.

Особенно активизировалась шовинистическая пропаганда пангерманистов в начале XX в. с приходом к власти Бюлова. Пангерманская пропаганда в польском вопросе несмотря на неслестные эпитеты, которыми она нередко наделяла германские правительства, будто бы «идущие на поводу у социал-демократии и партии центра» и «неспособные вести национальную политику», встречала благожелательное отношение как со стороны консерваторов и национал-либералов, так и со стороны правительства Бюлова. Постоянные крики о «растущей польской опасности» служили удобным прикрытием для обострения всего курса антипольской политики правительства. Наряду с усилившимся гонением на польскую культуру и проведением ряда административных и судебных мероприятий против польского населения прусское правительство, с санкции общегерманских властей, стало на путь ещё более решительного вытеснения польского народа с его исконных земель. С этой целью правительство Бюлова способствовало значительному увеличению колонизационных фондов.

В мае 1904 г. в прусский ландтаг был внесён на обсуждение проект нового закона, направленного против польского парцеллирования.

Особенно острые дебаты развернулись в палате депутатов вокруг параграфа 13-б этого закона, который запрещал всякое поселение на землю в Западной Пруссии и Познани без свидетельства местных властей о том, что это «не противоречит целям, преследуемым законом 1886 года»¹⁷. На основе этого параграфа польским крестьянам запрещалось возведение каких бы то ни было жилых и хозяйственных строений. Не подлежит никакому сомнению, что закон ставил своей задачей «положить конец» польскому парцеллированию, ибо всякое приобретение земли поляками местные власти считали «несовместимым с духом закона 1886 г.» и приносящим ущерб немецким «национальным интересам».

В конце июня проект антипольского закона был обсуждён во втором чтении. Все поправки, внесённые польской фракцией, были отвергнуты реакционным большинством прусского ландтага, и закон был вотирован.

Этот новый исключительный закон против польского населения в Германии чрезвычайно затруднил парцеллирование земли поляками: формальное право польского крестьянина на покупку земли сводилось на-нет запрещением сооружения жилых и хозяйственных строений. В ответ на все просьбы польских крестьян о разрешении того или иного строительства со стороны прусских властей следовал неизменный отказ. Последние, истолковывая антипольский закон 1904 г. в своих интересах, запрещали постройку даже тем польским мелким владельцам, которые приобрели свои парцеллы до издания закона и не успели по тем или иным причинам возвести на них жилые и хозяйственные строения. Яркий пример подобного рода использования закона 1904 г. прусскими властями привёл впоследствии в своём выступлении в рейхстаге польский депутат рейхстага Кулерский. В районе Грауденц (округ Мариенвердер в Западной Пруссии) 17 польских крестьян и батраков купили себе парцеллы за три года до издания «закона о поселении», однако в ответ на их настоячивые требования местные власти в течение двух лет отказывали им в разрешении на строительство, а когда им пришлось явочным порядком соорудить себе какие-то примитивные шалаши, то они были выброшены из этих «жилищ» вместе со своими больными детьми; дальнейшее пребы-

¹⁶ Эта организация восточногерманских немецких шовинистов была известна под названием «гакатистов» — по инициалам её лидеров: Ганземана, Кеннемана и Тидемана.

¹⁷ Schulthess Geschichtskalender. Bd. I, S. 84. 1904.

вание на этой «собственной» земле стало невозможным, а весь урожай погнил от дождя ввиду отсутствия амбаров. Подобного рода практика прусских властей увеличивала возмущение, вызываемое антипольским законодательством в широких кругах польского народа, и нередко приводила к кровавым эксцессам. Об одном из них сообщает тот же депутат Кулерский в другой своей речи в рейхстаге. Одному польскому инвалиду в деревне Пшов, в Верхней Силезии, в ответ на его многочисленные заявления было отказано в разрешении на постройку жилища. Пройдя все «инстанции», он построил на своей парцелле сарай, вырыл под ним глубокий подвал, в котором и поселился. Местные власти сделали предписание об его выселении, но он отказался его выполнить. Когда жандармы явились вместе с каменщиками и принялись разрушать подземеелье, польский инвалид застрелил и жандарма и самого себя¹⁸. Прусский «закон о поселении», однако, не мог приостановить польского парцеллирования. Этому содействовали польские банки и парцелляционные общества различными обходными путями: либо покупая у немецких владельцев уже застроенные земельные участки либо ограничиваясь так называемым «парцеллированием по соседству», когда вновь купленный участок присоединялся к уже застроенному. Широко известны были и другие способы обхода этого антипольского закона 1904 года. Купив клочок земли, на котором ему не разрешалось построить даже небольшую хижину, польский батрак Джымала поселился... в старом фургоне для перевозки мебели, прорубив в нём окна и поставив железную печку. Когда это стало достаточно массовым явлением, одна познанская фабрика специально занялась сооружением таких фургонов-домов, которые быстро раскупались польскими крестьянами.

Антипольский «закон о поселении» 1904 г. показал, что прусская правительственная политика главным своим остриём направляется уже не против польской шляхты, как это было ранее, а против широких народных масс и прежде всего против польского крестьянства. «Это был первый аграрный закон, непосредственно противоречивший устремлениям простого человека и столь же оскорблявший его понятие о справедливости, как школьный закон по вопросу о языке», — замечает американский историк Тимс¹⁹.

Ряд существенных внутривнутриполитических сдвигов, имевших место в Германии в 1905—1907 годах, способствовал новому обострению шовинистической антипольской политики имперских и прусских властей.

Революция 1905 г. в России, сопровождавшаяся рядом национально-освободительных движений и послужившая мощным стимулом для борьбы польского народа за своё освобождение, не могла не вызвать отклика в других европейских странах и, в частности, в широких кругах польского населения в прусской Польше. Одним из проявлений этого явился новый подъём борьбы польского народа против политики германизации. В октябре 1906 г. в Познани возникла массовая школьная стачка протеста против изданного в Пруссии закона об обязательном преподавании во всех классах начальной школы всех предметов, включая закон божий, на немецком языке. Стачка эта, означавшая своеобразную форму массового народного протеста против подавления польской культуры, охватила несколько десятков тысяч польских школьников и вызвала новую волну репрессий со стороны прусских властей.

Реакционные правящие партии Германии не могли скрыть своей тресвоги перед возможным подъёмом национально-освободительного движения среди угнетённого польского населения на востоке Пруссии.

¹⁸ Verhandlungen des deutschen Reichstages. Session. 1903—1905. Bd. 228, S. 1286.

¹⁹ Tims R. «Germanising Prussian Poland» p. 131. New York, 1941.

Как всегда, наиболее откровенное своё выражение эта тревога находила в шовинистической пангерманской печати. Так, летом 1906 г. в журнале «Ostmark» (органе «Союза восточных областей») высказывались серьёзные опасения перед перспективой нарастания национального движения за воссоединение всех трёх частей Польши и настоятельное требование учесть уроки восстаний по ту сторону границы: «Кто может погнаться, что при таком положении вещей в России и Галиции накопившийся взрывчатый материал может найти себе выход лишь в более или менее страстных парламентских и внепарламентских речах?»²⁰.

В числе других мероприятий выдвигалось требование вести в польских областях Пруссии осадное положение. Правительство Бюлова внимательно прислушивалось к этим предложениям. Выступая в германском рейхстаге во время московского вооружённого восстания в декабре 1905 г., канцлер предупреждал: «Мы, конечно, не потерпим, чтобы беспорядки перебросились в наши области»²¹.

Пангерманская печать в 1906—1907 гг. была заполнена различными предложениями и проектами по поводу антипольских законодательных мероприятий.

Осенью 1907 г. антипольская кампания в Пруссии достигла своего апогея. Съезд «Союза восточных областей», происходивший в августе 1907 г. в Бромберге (Быдгощь), настаивал на немедленном издании закона об отчуждении польских земель. Одновременно немецкие шовинисты предлагали внести на обсуждение германского рейхстага предложение о запрещении пользоваться на собраниях каким бы то ни было языком, кроме немецкого, что было, конечно, также обращено прежде всего против польского населения Пруссии.

На последовавшем затем заседании правления этого союза был выработан и самый проект постановления прусского ландтага по вопросу об отчуждении польских земель. Проект должен был быть внесён правительством на обсуждение предстоящей сессии прусского ландтага. Весьма симптоматично, что уже в этом проекте содержались многие положения как закона об отчуждении 1908 г., так и ряда других антипольских законов, изданных прусским правительством накануне первой мировой войны.

26 ноября 1907 г. законопроект об отчуждении польских земель, являвшийся предметом столь горячих вожделений немецких шовинистов, был внесён прусским правительством на обсуждение ландтага.

Уже в ходе первого его обсуждения в палате депутатов вокруг него развернулась острая борьба. В защиту внесённого Бюловым законопроекта выступили консерваторы и национал-либералы, пытавшиеся уверить, что отчуждение польских земель является «вполне правоммерным» мероприятием, обусловленным необходимостью «защиты германства» против грозящей «польской опасности». Законопроект вызвал ряд критических выступлений со стороны представителей польской фракции, партий центра и «свободомыслящих» и даже со стороны части консерваторов, опасавшихся, как бы вторжение в право собственности польской шляхты не подорвало «устой» частной собственности к ущербу самих прусских аграриев.

Принятый палатой депутатов закон присваивал прусскому правительству право отчуждения земель — в общей сложности не свыше 70 тыс. га — в Познани и Западной Пруссии, в тех районах, где это необходимо для «консолидации и округления немецкой собственности путём поселения немецких колонистов».

После продолжительных обсуждений 27 февраля 1908 г. законопроект об отчуждении польских земель был утверждён «палатой господ»

²⁰ «Die Ostmark» N 7. 1906. S. 71.

²¹ Verhandlungen des deutschen Reichstages 1905—1906. Bd. I, S. 140.

незначительным большинством в 143 голоса против 111; в начале марта он был окончательно, со всеми поправками санкционирован реакционными фракциями палаты депутатов против голосов партии центра, польской фракции и «свободомыслящих».

Возмущение, вызванное в широких слоях польского народа этим прусским антипольским законом, усугубилось новым наступлением на самые элементарные его права, ознаменованным изданием месяц спустя бюловского общеимперского «закона о собраниях и союзах». Согласно § 12 этого закона, все публичные собрания, включая избирательные, должны были регистрироваться в полиции и проводиться только на немецком языке. Этот закон, вотированный германским рейхстагом почти одновременно с прусским законом об отчуждении польских земель, наносил особенно тяжёлый удар именно польскому населению, ибо последнее составляло большую часть немецкого населения Германии, к которому относился этот запрет.

В виде «уступки» закон этот разрешал в течение ближайших двадцати лет (т. е. до 1928 г.!) употребление ненемецкого языка на собраниях в тех областях, где население, говорящее на этом языке, превышает 60%. Однако вследствие ухищрений прусской официальной статистики, всемерно преуменьшавшей удельный вес польского населения в польских областях, даже в городе Познани, польское население, согласно «закону о союзах», лишалось права проводить собрания на родном языке, ибо, согласно данным этой официальной статистики, оно составляло здесь... 57,86% общего количества населения. Даже такие польские города, как Быдгощь, Гданьск, Торунь, Ополье, Гливице, Катовицы, Рацебуж и др., попадали под действие «параграфа о языке».

В широких слоях польского населения закон об отчуждении польских земель и антипольские параграфы нового «закона о союзах» были восприняты как новый вызов. В ряде городов состоялись массовые собрания протеста против этих новых актов прусской угнетательской политики.

Один из лучших представителей польского народа, Юлиан Мархлевский, выступил в печати со статьями, изобличающими антипольскую политику прусских властей. Польский писатель Генрих Сенкевич обратился с открытым письмом к представителям литературы и искусства Западной Европы и США с призывом присоединиться к протесту против прусской политики национального гнёта. В ответ на письмо Сенкевича в заграничной печати появились многочисленные отклики учёных и литераторов, решительно осуждавших новый антипольский закон, изданный в Пруссии. Издание прусского закона об отчуждении польских земель вызвало волну многочисленных протестов и среди польского населения в русской Польше и в Австро-Венгрии.

В ответ на это германская реакционная правительственная печать обрушилась на австрийские власти с обвинениями их в «подрывной работе», в пособничестве польской пропаганде и т. д. Так, орган консервативных «Kreuzzeitung» обвинял австрийский рейхсрат во «вмешательстве во внутренние дела союзной державы».

Дипломатический нажим со стороны германского правительства возымел действие. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь поспешил выразить германскому послу Чиршки «сожаление» по поводу событий последних дней и заверить, что австрийский министр-президент Бек выступит в рейхсрате с заявлением о недопустимости какого бы то ни было «вмешательства» Австро-Венгрии во внутренние дела Пруссии.

После отставки Бюлова и победы консервативно-клерикального «чёрно-голубого» блока в Германии началась напряжённая внутриполитическая борьба по вопросу о дальнейших путях и методах колониза-

ционной политики и, в частности, о сроках и темпах осуществления закона об отчуждении польских земель. Прусское правительство, под давлением партии центра и разногласий по этому вопросу внутри лагеря консерваторов, с одной стороны, и под влиянием волны протеста, развернувшейся как внутри Германии, так и за границей,—с другой, вынуждено было временно воздержаться от осуществления этого закона.

Новое обострение антипольской политики в Германии наступило в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой империалистической войне, годы углубления социальных и национальных противоречий, которые в своей совокупности поставили страну перед надвигающимся политическим кризисом. Не случайно именно в эти годы, когда германский империализм усиленно готовился к развязыванию войны, особенно обострился здесь и польский вопрос.

Уже во время балканских войн, одним из важнейших результатов которых явился новый подъём борьбы славянских народов на юго-востоке Европы, борьбы за ликвидацию феодализма и создание национальных государств, значительно обострилась антиславянская политика правящих классов в Германии, и прежде всего в Пруссии, являвшейся оплотом реакции и шовинизма.

Именно в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, прусское правительство провело в жизнь целый ряд антипольских законопроектов, о которых издавна мечтали пангерманисты.

В начале мая 1912 г. на обсуждение прусского ландтага был внесен законопроект «об укреплении немецкой земельной собственности». На основании его правительство должно было ассигновать 100 миллионов марок «для укрепления и усиления немецкой собственности в национально угрожаемых районах Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Шлезвиг-Голштинии»²².

Этот закон предусматривал осуществление целой системы мероприятий, которые под видом «защиты немецкой национальной собственности» должны были явиться дополнительным источником обогащения прусского юнкерства и одновременно способствовать усиленной колонизации польских земель уже не только в Познани и Западной Пруссии, являвшихся до сих пор «сферой деятельности» колонизационной комиссии, но и в ряде других областей, которые прусские власти объявляли «национально-угрожаемыми».

К началу XX в. прусское крупное землевладение было чрезвычайно отягощено долгами; особенно это относилось к восточногерманским областям и прежде всего к тем, где проводила свою работу колонизационная комиссия. Если в среднем по Германии крупные имения были отягощены долгами, составлявшими 31,8% их ценности, то по Познани эта задолженность составляла 46,5%, а по Западной Пруссии — 56,7%²³.

Пруссские аграрии и их представители в рейхстаге и прусском ландтаге не переставали жаловаться на «тяжёлое положение сельского хозяйства», требовали высоких аграрных таможенных пошлин, дешёвого сельскохозяйственного кредита и, как выражались официальные инстанции, «санитария» сельского хозяйства. Пресловутое санитарование означало, в частности, что огромные фонды, ассигнуемые прусским правительством колонизационной комиссии для «укрепления германства», использовались не только для национального порабощения польского народа в Пруссии, но и в целях повышения прибылей и обогащения прусских аграриев.

Таким образом, предложенный законопроект являлся в своей совокупности гигантским шантажом в интересах прусских аграриев: пол

²² См. Sammlung der Drucksachen des preussischen Hauses der Abgeordneten. 1. Legislaturperiode, V Session. 1912—1913. Bd. V. Drucksache N 334, str. 3332.

²³ См. Belgard «Parzellierung und innere Kolonisation in den 6 östlichen Provinzen Preussens 1875—1906». S. 453. Leipzig. 1907.

предлогом «укрепления немецкой собственности» осуществлялось давнишнее требование прусских аграриев о снятии с них задолженности.

С резкой критикой предлагаемого законопроекта выступил в ландтаге германский социал-демократ Юлиан Борхардт. Он заявил, что, выступая с подобным законопроектом против поляков, прусское правительство показывает, что оно не прочь поступить с ними так, как германские колонизаторы поступили с племенем герреро в Африке²⁴.

Дальнейшие прения проходили довольно бурно и закончились насильственным удалением Борхардта из зала заседания, по распоряжению президиума прусского ландтага.

Обсуждение антипольского законопроекта «об укреплении немецкой собственности» в прусском ландтаге показало, что ему обеспечена поддержка немецких реакционных партий, как консерваторов, горячо приветствовавших этот закон, так и национал-либералов. В начале июня закон был утверждён в третьем чтении большинством 212 членов палаты депутатов против 99.

Принятие его означало распространение антипольских мероприятий, связанных с «укреплением немецкой земельной собственности», кроме Познани и Западной Пруссии, на ряд районов Восточной Пруссии, Пomerании, на Силезию и Шлезвиг-Гольштейнию, и тем самым частичное расширение сферы прусской внутренней колонизации.

Однако неудовлетворённые этим мероприятием прусских властей немецкие шовинисты открыли широкую кампанию за издание закона о запрещении парцеллирования и прежде всего за проведение в жизнь закона 1908 г. об отчуждении польских земель²⁵. Они заявляли, что уже из данных последнего прусского меморандума 1911 г., подводившего итоги прусской колонизации польских земель за 25 лет, явствует, что «дело Бисмарка находится накануне краха» и что, если не будет немедленно начато отчуждение польских земель, «станет вопрос о самой возможности дальнейшей колонизации»²⁶.

Вопреки своим неоднократным заявлениям (1910—1911 гг.) о том, что осуществление закона 1908 г. об отчуждении польских земель преждевременно и не диктуется никакой необходимостью, в октябре 1912 г. прусское правительство вынесло постановление о частичном проведении его в жизнь.

То, что именно теперь, осенью 1912 г., начал впервые осуществляться изданный четыре года назад антипольский закон об отчуждении земель, объяснялось, конечно, не недостатком земель для колонизации. Причину этого следует искать в назревавшем в Германии политическом кризисе и наступившем в это время новом обострении антипольской политики в Пруссии. В марте 1914 г. прусское правительство внесло в ландтаг законопроект, согласно которому запрещалось парцеллирование земель без специального разрешения на то прусских властей. Последним предоставлялось право расторжения уже заключённых торговых сделок. Этот закон допускал поощрение парцеллирования лишь в тех случаях, когда это отвечало интересам немецкой колонизации. В этих целях, согласно проекту нового закона, государству должно было быть предоставлено «преимущественное право на покупку земли»²⁷.

Закон о запрещении парцеллирования не был проведён в жизнь. Мировая война, развязанная германскими империалистами, превратив польские области в плацдарм военных действий и объект сложной дипломатической борьбы воюющих сторон, положила предел прусской по-

²⁴ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preussischen Hauses der Abgeordneten. 21 Legislaturperiode, V Session. 1912—1913, V Band, S. 5632.

²⁵ «Die Ostmark» N 7 1912, S. 57.

²⁶ Ibidem, N 4, 25—26.

²⁷ См. Drucksachen des Hauses der Abgeordneten, 22 Legislaturperiode, II Session. 1914—1915. Bd. III, S. 1785.

литике колонизации польских земель и вынудила правящие круги Германии к другим, более сложным приёмам антипольской политики.

Мы проследили основные моменты прусской политики колонизации польских земель в начале XX в., в годы канцлерства Бюлова и Бетман-Гольвега, которые в расширенных масштабах продолжали антипольскую кампанию, начатую Бисмарком ещё в восьмидесятых годах.

Возникает естественно вопрос: каковы же итоги этой колонизаторской политики прусских властей за три без малого десятилетия существования колонизационной комиссии?

Прусское правительство за это время затратило на проведение колонизации польских областей немалые средства. Ассигнования на колонизацию земель в Познани и Западной Пруссии, на «укрепление немецкой земельной собственности» в Силезии, Восточной Пруссии и Померании и на покупку государственных доменов достигли в общей сложности одного миллиарда 55 миллионов марок²⁸. Однако эти огромные затраты привели к довольно жалким результатам. В своих официальных меморандумах прусское правительство вынуждено было неоднократно констатировать, что большая часть земли, приобретённой колонизационной комиссией, была ею закуплена не у поляков, а у немецких землевладельцев. Так, с 1886 по 1914 г. колонизационной комиссией было всего приобретено 453,1 тыс. га земли²⁹, из них 326,8 тыс. га (73%) — у немецких владельцев и только 126,8 тыс. га (27%) — у польских.

Наряду с переходом части польских земель в руки колонизационной комиссии, шёл и обратный процесс — рост польского землевладения путём скупки и парцеллирования земли польскими банками. В результате за рассматриваемый нами период польские землевладельцы приобрели значительно больше земли, чем продали за это же время. Только с 1896 по 1912 г. в Западной Пруссии и Познани, несмотря на все ухищрения прусского законодательства и на упорное противодействие со стороны колонизационной комиссии, из немецкого в польское владение перешло на 103 753 га земли больше, чем из польского в немецкое³⁰. За 20 лет, непосредственно предшествовавших образованию колонизационной комиссии, польская крупная земельная собственность уменьшилась на 293,3 тыс. га³¹. В течение первого десятилетия после образования колонизационной комиссии (1886—1896) продолжалось вытеснение польского землевладения, но уже с середины 90-х годов положение существенно изменилось. Растущие преследования и прусская политика «искоренения» не обеспечили германским колонизаторам осуществления их планов.

Говоря об итогах колонизаторской политики прусских властей в польских областях, немецкие шовинисты широко пропагандировали «успехи», достигнутые в области поселения немецких колонистов, а также «укрепления немецкой национальной собственности». Между тем и эти успехи были весьма относительны. За 28 лет (1886—1914) колонизационная комиссия организовала всего 21,2 тыс. немецких хозяйств, из них свыше 5 тысяч колонистов принадлежали к местному населению; таким образом, общее количество новых немецких поселений едва превышало 16 тысяч³².

²⁸ См. Seyda M. «Territoires polonais sous la domination prussienne», p. 66 Paris. 1918.

²⁹ Statistisches Jahrbuch für den preussischen Staat. 1915, S. 48.

³⁰ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preussischen Hauses der Abgeordneten. Bd. I, S. 14789.

³¹ Buzek. Op. cit., str. 298.

³² Statistisches Jahrbuch für den preussischen Staat. 1915, S. 50.

Таким образом, несмотря на огромные затраты и колоссальную шумиху, поднятую прусскими властями вокруг работ колонизационной комиссии, ей удавалось основывать в среднем лишь около 550 новых хозяйств в год.

Несмотря на все старания «укрепить» немецкую земельную собственность в восточногерманских польских областях, под влиянием высоких цен на землю происходила частая смена владельцев. В годовом отчёте Восточнопрусского земледельческого союза сообщалось, что за 1911—1912 гг. 20% всех «рентных владений» с площадью от 2,5 до 25 га сменили своих владельцев³³.

Ещё менее успешным было осуществление колонизационного шантажа, организованного под широковысещательной вывеской «поселения рабочих на землю».

Сельскохозяйственные рабочие весьма неохотно становились объектом колонизаторских экспериментов прусских властей, так как ничтожные размеры участков, которыми они наделялись (не свыше двух га), неизбежно вели лишь к увеличению их зависимости от крупных аграриев. Этот небольшой надел не мог, разумеется, обеспечить пропитания семьи, и рабочий был вынужден постоянно искать заработков на стороне и прежде всего, конечно, в близлежащих юнкерских имениях.

Каковы же были причины того, что планы вытеснения польского населения с его земель, упорно выдвигавшиеся прусскими колонизаторами, имели за последние десятилетия перед мировой войной столь эфемерные результаты? Одной из главных причин этого явилось то обстоятельство, что прусские юнкеры, разглагольствовавшие о необходимости «защиты интересов германства», на деле выдвигали на первый план свои собственные интересы и старались возможно выгоднее для себя использовать конъюнктуру, создавшуюся в конце XIX и начале XX века. В результате спекулятивной горячки, обусловленной деятельностью прусской колонизационной комиссии, цены на землю росли с такой быстротой, что уже к 1906 г. они удвоились (с 568 до 1418 марок за га), а накануне мировой войны, в 1914 г., цена гектара земли возросла до 1772 марок³⁴. Прельщаемые этими высокими спекулятивными ценами, прусские аграрии охотно сбывали свои земли, причём нередко покупателями являлись польские банки.

«Внутренняя колонизация» и «борьба против польской опасности» послужили для прусских аграриев удобным источником неограниченных дополнительных прибылей. Громадные колонизационные фонды по целому ряду различных каналов, под предлогом «санитарования» сельского хозяйства, «освобождения от долгов» или «укрепления немецкой собственности», в значительной своей части направлялись в их сейфы и служили дополнительным источником их обогащения.

Наиболее серьёзным препятствием к осуществлению германизаторских планов прусских колонизаторов являлось упорное противодействие, которое они встречали со стороны широких слоёв польского населения. Сопrotивление немецкому национальному гнёту принимало различные формы: бойкот немецких товаров, борьба против подавления польской культуры и германизации прессы, борьба за право на родной язык и школу, столь ярко проявившаяся в форме массовых школьных стачек (1901 и 1906 гг.), наконец, в деревне, — борьба против прусской политики колонизации, борьба за землю. В движение против национального гнёта втягивалось польское население не только в Познани и Западной Пруссии, но и в Верхней Силезии; наконец, в борьбу против немецких угнетателей стали вовлекаться даже поляки протестантского вероисповедания — мазуры.

³³ Seyda M. Op. cit., p. 68.

³⁴ Statistisches Jahrbuch. 1915. S. 48.

В противовес правительственной колонизационной комиссии широко развернули свою работу десятки польских кредитных и кооперативных объединений, поставивших своей задачей воспрепятствовать вытеснению польского населения с земли.

Выше уже указывалось, что многие польские аграрии в 90-х годах под влиянием аграрного кризиса и высоких цен на землю старались сбыть свои имения. Однако созданный в 1888 г. в Познани польский Земский банк, располагавший целым рядом вспомогательных организаций, а также целая сеть польских кооперативных товариществ развернули широкую работу по закупке и парцеллированию земель и поселению на них польских малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Они делали всё возможное, чтобы воспрепятствовать переходу этих земель к немецким землевладельцам или в руки прусской колонизационной комиссии.

В то время как польский Земский банк приобретал в целях парцеллирования главным образом крупные имения, польские кооперативные товарищества занимались преимущественно закупкой более мелких помещичьих владений и крестьянских земель.

Успеху польских кооперативных организаций по парцеллированию способствовали и их умелые мероприятия по мобилизации массы мелких сбережений, принадлежавших широкому слою польской мелкой буржуазии, польским крестьянам, а также сельскохозяйственным рабочим, отходившим на заработки в другие области Германии и прежде всего на шахты в горнопромышленные индустриальные районы Рурской и Рейнско-Вестфальской областей. Не случайно в антипольской пропаганде немецких шовинистов занимали столь видное место разглагольствования об опасности, грозящей «германству» вследствие использования для нужд польского парцеллирования так называемых «вестфальских сбережений».

Важной причиной успехов польского парцеллирования являлось и то обстоятельство, что если колонизационная комиссия поселяла в восточногерманских областях преимущественно немецких колонистов, прибывших издалека и видевших в переселении прежде всего источник лёгкой наживы путём получения различного рода правительственных субсидий, — польские парцелляционные союзы ориентировались прежде всего на местных польских малоземельных крестьян, остро нуждавшихся в земле, а также на широкие слои безземельных.

Особенностью польского парцеллирования являлось и то обстоятельство, что в противовес колонизационной комиссии, основывавшей преимущественно средние и более крупные немецкие хозяйства, польские парцеллы были главным образом мелкими (2—5 га). Так, при рассмотрении размеров земельных участков, перешедших в руки польских владельцев в Познани и Западной Пруссии с 1896 по 1903 г., оказывается, что только одна треть земли была разбита на владения свыше 30 га, основная же масса парцеллируемых земель — 100 тыс. га из общего количества 130,6 тыс. га — была раздроблена на мелкие и средние парцеллы: в среднем на каждую из образованных в эти годы польских парцелл приходилось в Познани 3 га, а в Западной Пруссии — около 5 га³⁵.

Подводя итоги прусской колонизационной политики в конце XIX и начале XX в., необходимо отметить, что главной своей тяжестью она ложилась на народные массы, и в особенности на польских крестьян.

Антипольские законы 1898, 1904 и 1907—1908 гг. так же, как и изданные накануне войны, наносили особенно чувствительные удары именно этим слоям. В свою очередь спекулятивный ажиотаж, питаемый дея-

³⁵ Belgard. Op. cit., S. 278.

тельностью прусской колонизационной комиссии, и быстрый рост цен на землю также чрезвычайно тяжело отражались на положении малоземельных и средних польских крестьян, вынужденных докупать себе землю, что усиливало их задолженность и зависимость от крупных аграриев и ростовщиков. Польские крестьяне оказывали активное противодействие прусской политике колонизации польских земель.

В своей работе «О праве наций на самоопределение» Ленин писал в феврале 1914 г. о видоизменении национализма в Польше, превращающегося «из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский»³⁶. Он отмечал при этом данные, приводимые Людвигом Бернгардом³⁷, который, «стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю. «Немецкий гнёт сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы»³⁸.

В результате противодействия прусской политике колонизации со стороны польских национальных организаций и кооперативных объединений, в которых активно участвовали значительные слои польских крестьян и сельскохозяйственных рабочих, и успешно проводившейся этими организациями политики парцеллирования, площадь землевладения польских крестьян за период с 1886 по 1914 гг. не только не сократилась, но значительно возросла. Внутри польского землевладения в Познани и Западной Пруссии произошли существенные сдвиги в направлении увеличения удельного веса крестьянских владений. Несмотря на все притеснения, их площадь возросла за 25 лет на 140 тыс. га, в то время как крупное польское землевладение сократилось.

Таким образом, прусская политика колонизации встретила упорное сопротивление со стороны широких слоёв польского народа, и именно это воспрепятствовало осуществлению германизаторских планов подавления польской культуры и искоренения польского населения с его исконных земель.

³⁶ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 473.

³⁷ Bernhard G. «Das polnische Gemeinwesen in preussischen Staat», S. Berlin.

³⁸ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 473.